

Жительница блокадного Ленинграда
Участница Великой Отечественной войны
Анастасия Федоровна Осипова (Ларионова).

Я родилась 30 декабря 1921 года в Вартемягской больнице. Мои родители были простыми колхозниками. Мать долгое время, вернее, всю жизнь работала в нашем Вартемягском колхозе. С отцом произошел трагический случай. Он был, как мне кажется, кладовщиком и отвечал кроме всего прочего за хранение картофеля. Ему подстроили ЧП. Трое односельчан, как выяснилось много позже, видимо за что-то решили отомстить отцу (Алданин Иван Семенович, Андреев Иван по прозвищу Морган и Максимов Михаил), открыли утепление на ямах с картошкой, и она замерзла. Шел 1936 год, расправа не заставила себя ждать. Хорошо, что не судили за вредительство. Отца посадили на год «принудиловки» за халатность. Потом выпустили. А в 1937 году он уже работал пастухом. Корова случайно забрела в Калясовское озеро, и отец, вытаскивая ее, промок до нитки. Не пошел сушиться, а продолжал пасти стадо, простудился, в больницу почему-то не брали: пройдет да пройдет, - говорили врачи. А не прошло, и он скончался дома.

Девчонкой занималась хозяйственными делами. На мне был весь дом. И мыла, и стирала, и готовила на всю семью. Она была большая. Старший брат (1910 года) Василий, сестра с 13 года Мария, брат Михаил 15 года (участник войны, но умер дома), сестра Анна с 18 года. Ленечка и Танечка, последыши, умерли в младенчестве. Двоюродный брат воспитывался у нас в семье (это был сын маминой сестры Сони)

Пришло время, и я пошла в школу. Закончила в Строилово (Касимово) 4 класса начальной школы и перешла учиться в Вартемягскую семилетку. В 1939 году закончила ее. Потом в Парголово попыталась учиться в 8 классе, но не было денег на проезд, обувь-одеть было нечего, жили впроголодь, какая же тут учеба. Работать надо, себя содержать, семье помогать. Ведь когда я училась в 7 классе Вартемягской школе, то одновременно работала пионервожатой в своей родной Строиловской (Касимовской) начальной школе. Возилась с малышней, сама же была такой, да и к детям вообще меня тянуло, получалось. Там меня и прозвали ребятишки «тетя Нелли», а родные звали Нелькой. Еще и 18 лет не было, пошла на работу во 2 автобусный парк. Сначала была телефонисткой в пожарной охране, а потом заведующей Бюро пропусков.

До 1941 году я пешком ходила до станции электрички Левашово, а потом на ней ехала до станции Ланская, и опять пешком в свой автопарк. Еще в конце 90 годов он существовал на

Земледельческой улице, 2 автобусный парк. До недавнего времени его автобусы нас возили по 433 маршруту. Однажды я опоздала на 15 минут, и меня судили. Высчитывали 6 месяцев 25% из моей зарплаты, били рублем, не считаясь ни с чем. Обидно, ведь я всегда добросовестно работала, но время было жестким.

В конце 41 года ушла из парка. Жила с матерью в Агалатово. Моих сестер отправили в Кострому как жен военнослужащих. А потом мы перебрались в Строилово (Касимово), в свой дом рядом с аэродромом. Отсюда меня и 14 других молодых девушек отправили на лесозаготовки в Пери (Алданины Маша и Таня, Буханова Екатерина, Макеева Наталья), и один парень был с нами - Макеев Петр.

Условия в доме, где нас поселили, были ужасные: грязища, стекла биты, топить нечем, а на улице мороз. Привели вначале все в порядок, как-то заделали окна, выгребли грязь. Постепенно наладили быт. Тяжелейшей была и работа. По пояс в снегу добирались на лесосеку, рубили огромные деревья в обхват толщиной. А потом их еще осучковать надо было. Лес отвозили на строительства ангаров для самолетов на нашем касимовском аэродроме. Каждый самолет в блокированном Ленинграде был на вес золота, его старались сохранить, чтобы ни артобстрелами, ни бомбежками нельзя было на земле его уничтожить. По краям взлетного поля выкапывали огромные ямы. Наши же, добытые невероятным трудом и мучениями бревна шли на обкладку стен и перекрытия. Самолет загоняли в этот дерево - земляной ангар и сохраняли от повреждений. До сих пор не понимаю, как хватало силенок голодным девчонкам ворочать огромные стволы, просто волочить ноги на работу и с работы. Нас тоже потом направили на строительство этих укрытий. Но теперь мы жили дома, работа от этого казалась легче.

Рядом с нами в Пери жила мать с дочкой, ночами они что-то промышляли, куда-то ходили, что-то возили, постоянно скрипели санями. Мы ночью увидели, что они привозят покойников и едят их. Мы тут же сообщили в ближайшую воинскую часть, их забрали. Жуткая картина для нас и для всех тогда, тяжелейшее воспоминание и сегодня.

В начале 1942 года нашу бригаду или отряд расформировали. Но все должны были работать на оборону города, да и работающим карточки давали с рабочей нормой выдачи продуктов. Я теперь стала работать старшей санитаркой в амбулатории при нашем аэродроме. Она располагалась в Строилово (Касимово), в доме Макеева Григория Ивановича (дядя Гриша, его так все звали). У меня было не законченное медицинское образование. Училась в медучилище перед устройством на работу в автопарк. Время было военное, я быстро научилась основам медицины и скоро спокойно работала с врачом. А иногда и сама вела прием. Бросит он меня, куда-то пропадет, может и по делам, а должны прийти солдаты на обследование перед заступлением на пост. Доктор мне передуходом и говорит: «Справитесь и сами». А я и справлялась.

Потом нас перевели в дом Бахвалова Николая, тоже в Строилово (Касимово), но ближе к аэродрому. Хозяева его погибли от голода и лишений. Начальником амбулатории был майор медицинской службы Берлин. Доверял мне. Помню слова: «Ну, если ты, Нелли, на посту, я спокоен».

Когда сняли блокаду, то нас отправили под Нарву. Как сейчас помню число - 2 февраля. Нас, 2 постовых медсестры, старшую медсестру, меня, а также 2 санитаров и рабочих для

обслуживания кухни, кроме того 2 врача, хирург и терапевт, отправили на полуторках разворачивали госпиталь, т.е. готовить госпиталь к приему раненых. Трое суток добирались до места, еле доехали. Вскоре все было готово. В 2-этажном доме все выскребли, подготовили палаты и операционные, кабинеты врачей. Все было готово и на кухне, и в прачечной. Но работа оказалась проделанной впустую. Немцы нас разбомбили. 18 самолетов сделали по 3-4 захода на наше расположение, бомбили и обстреливали из пушек и пулеметов, все смешали с землей. На месте двухэтажного дома, где мы уже готовились принять больных и раненых, оказалась яма. Медики все остались живы, не пострадали. Хорошо, что и в госпиталь не успели доставить раненых.

Потом пришлось перебазироваться. И нас ждали тяжелые испытания. Раненых было очень много. Тяжелых, которым было практически невозможно помочь, было очень жалко. Стонут, просят помощи, а что можно сделать, когда для него самое большое облегчение - смерть. Но многих и спасали. Подготовив к эвакуации, ночами отправляли самолетами в госпитали в тылу. Случайно встретила здесь двоюродного брата - таковы были дороги войны. Встретились и разошлись. Выжил он, вернулся с войны, как выжила и вернулась с войны я.

Потом снова переезд, добрались за Нарву, помню местечко Выставка. Лес, развернули большущую палату под госпиталь. Снова раненые, снова работа. Опять переброска, снова госпиталь. Летом нас перевели на Карельский фронт в местечко Майснеми, привал делали в Осиновой Роще, у знаменитой теперь «дачи Романова». Опять в большом хорошем доме развернули госпиталь, но раненых было немного. Финнов разгромили быстро. Мой госпиталь принадлежал авиадивизии. Потом перебросили нас под Таллин, потом под Хапсолу.

Госпиталь нас всегда километров за шесть ставили от аэродрома. Прятали нас и с боевыми частями мы не пересекались.

Когда мы располагались рядом с аэродромом, не раз попадали под бомбежку. Земля тряслась. Просто ужас. Убегали в лес так, что валенки в снегу оставляли, потом ходили собирать. Наш врач был уже в возрасте и трусоват. Первый бежал так, что пятки сверкали.

Нам молодым и не угнаться за ним было. Со мной была Мария Михайловна Бахвалова, тоже наша, касимовская. Она помладше - 1925 года, но вместе со мной работала сестрой и перенесла все те же невероятные трудности. Со мной третьей сестрой работала Блюкова Анастасия Яковлевна (старшая), фельдшер Алексей Васильевич Кошманов, и еще два санитаря-солдатика составляли бригаду. Нас первыми отправляли на новое место «разворачиваться».

В Прибалтике в Хапсолу и закончили войну. Там в госпитале работали до 1947 года. Это была Эстония. Нас после 6 часов вечера не выпускали гулять, даже на улицу просто не выпускали. Часты были случаи убийств русских военнослужащих («Чпокали нашего брата»). И после войны работы в госпитале хватало: много больных часоткой, и малярией, фурункулез был массовым. Даже в кино не ходили, работа - дом, а работа такая тяжелая и изматывающая. Постоянно, сутками, в специальной машине дезинфицировала нательное белье. Больных ведь мазали специальной дегтярной мазью - белье становилось темным. Хватало с ним возни. Работала, так же как и я, буквально на износ, сутки через сутки и Мария Бахвалова.

В Таллине я познакомилась с будущим мужем. Случайно спросил какой-то младший лейтенант у меня расписание поезда на Хапсолу, я ответила, и он ушел. Потом нашел меня в вагоне поезда, и мы там разговорились. Приехали, и снова расстались - служил и воевал где-то, война ведь шла. Но меня находил постоянно, приезжал, как только выдавалась возможность.

Наконец, приехал за мной в Касимово. Здесь и расписались. В армии он не остался служить и на учебу не поехал. Надо было кормить семью, времена послевоенные для простых людей оставались трудными. Стал работать начальником лесосплава в д. Пестово Новгородской обл. Зарабатывал хорошо, кормил две семьи. Меня на работу не пускал. Медсестрой не было места, а в колхоз, говорил, в грязи ковыряться не позволю идти. Муж умер в 1977 году.

Я вернулась в Касимово, устроилась в нашу Вартемягскую районную больницу с 15 августа 1947 года и работала до 1985 года. 40 лет на одном месте.

Награждена медалями «Ветеран труда», «Ветеран первой воздушной армии», «Защитник Ленинградского неба», «За победу над Германией».

Первая медаль вручена была мне в 1943 году, это была дорогая для многих ленинградцев медаль «За оборону Ленинграда».

Каждое десятилетие Победы отмечено врученными мне медалями. Награждена также медалями 60 и 70 лет Вооруженных сил СССР, медалью Жукова, медалями «300-летие Санкт-Петербурга», «60 лет полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады».

В 1985 году меня наградили орденом «Отечественная война» 11 степени.

В 2000 году я получила Почетный знак «Фронтовик 1941 - 1945 гг.». Им, награждали тех, кто непосредственно сидел в окопах, ходил в атаки, бывал под обстрелом и бомбежкой.

Я служила медсестрой в 48 батальоне аэродромного обслуживания при 153 истребительном авиационном полку с 15 марта 1942 года по 15 июня 1945 года, войсковая часть 55 628.

Но на аэродромах, где служила, часто базировались и другие авиационные части, так что я ветеран прославленных летных частей: 277 Красносельской штурмовой авиадивизии, 15 Гвардейского Невского Краснознаменного орденов Кутузова и Суворова, 118 Гвардейского Валдайского истребительного полка.

Во 2 гуманитарной гимназии на 16 линии Васильевского острова в д. 55 находится музей Боевой славы нашего авиаполка. Долгие годы ветераны полка встречались там с учениками гимназии. Подвиги летчиков, наземных работников там отражены и сохраняются в памяти потомков, (т. 555 - 57 - 62)

На горе у автобусной остановки раньше располагалась аптека сразу после войны. Она была в доме двухэтажном красном деревянном. На первом этаже - аптека, что не втором не помню. Раньше этот дом принадлежал Миронову Ивану Васильевичу. Его в 38 году выслали в Сибирь как кулака. У него в доме была придорожная чайная. Вот - и враг народа стал. Он умер по дороге в ссылку.

